
Черный котенок
Толстый –
сыщик подводного царства
Мария Некрасова

Мария Евгеньевна Некрасова

Толстый – сыщик подводного царства

Серия «Толстый», книга 3

Серия «Черный котенок (Эксмо)»

Текст книги предоставлен издательством «Эксмо»
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=163433
Некрасова М. Толстый – сыщик подводного царства: Повесть: Эксмо-Пресс; М.; 2007
ISBN 978-5-04-152250-6

Аннотация

Кто бы мог подумать, что тихая старушка из деревни в Крыму на самом деле – сообщница преступной группировки?! Начинающий оперативник Александр Уткин долго не может в это поверить. Но вот все за и против тщательно взвешены, и он под покровом ночи проникает в небольшой деревенский домик, логово браконьеров. Спускается в поисках улик в погреб и… щелк! – снаружи кто-то закрывает подземный тайник на задвижку. Юный супермен попадает в плен. Однако преступники рано обрадовались, ведь настоящие сыщики на случай самых безвыходных ситуаций всегда прячут в рукаве козырь… или верного крыса по кличке Толстый!

Ранее повесть выходила под названием «Толстый и банда морского царя».

Содержание

Глава I 5
Глава II 12
Глава III 18
Глава IV 26
Конец ознакомительного фрагмента. 27

Мария НЕКРАСОВА
ТОЛСТЫЙ И БАНДА МОРСКОГО ЦАРЯ

Глава I
Куда спрятать тело?

Он еще дышал. Тонкий видел, как медленно раскрывается и закрывается дыхало на макушке. Тем не менее перед ним был труп. Дельфин, залитый кровью пополам с морской водой, с помутневшими глазами и удивленно раскрытым ртом. Во рту белели редкие треугольные зубы. Бок дельфину как будто вилкой проткнули, накрутили на нее и бросили.

– Сань! Саня! – Это Ленка, сестра, бежит по пляжу навстречу Тонкому и трупу. Легкомысленная личность. – Сань, ты чего… – Ленка увидела дельфина, сделала техническую паузу, чтобы набрать воздуху. Сосредоточилась. Зажмурилась. Растопырила пальцы на руках. Приоткрыв один глаз, убедилась, что все в порядке: стойка классическая, лямки купальника не сбились.

И завизжала.

Хотя назвать этот акустический удар визгом – все равно

что сказать о разорвавшейся гранате «хлопнула».

Через секунду Тонкому заложило уши. Через две высоко в небе крошечный самолетик повернул в сторону турецкой границы, торопясь покинуть воздушное пространство Украины. И наконец, примерно на пятой секунде, больно царапнув Тонкому голую спину, с его плеча сполз Толстый и укрылся за трупом дельфина. Крыса, она и в Крыму крыса. Никакого уважения к покойным. Странно еще, что Толстый не попробовал дельфина на зуб – он любит рыбу. (Того, что дельфин – не рыба, а млекопитающее, крысы знать не обязаны.)

Ленка, закончив выступление, как ни в чем не бывало присела на корточки и стала разглядывать дельфина:

– Его что, покусали?

– Подбили, – мрачно ответил Тонкий. – Острогой, похоже.

– Чем?

– Чем-то вроде копья.

– Так бы и сказал! – Ленка рассмотрела рану и не поверила: – Он сам, наверное, напоролся на камни. А то почему бы его подбили и бросили?

Тонкий пожал плечами:

– Может, он сорвался. Или оказался больной. Видишь, как Толстый реагирует?

Толстый обнюхивал труп и недовольно шипел. Он явно счел дельфина несъедобным. Верному крысу можно верить. Он как ищейка, только маленький. На его счету уже два

раскрытых уголовных дела. И вот, кажется, нашлось третье. Тонкий, конечно, тоже будет ему помогать.

– Сань, это вроде незаконно – дельфинов бить, – наконец дошло до Ленки. – Надо позвать тетю Музу…

Тонкий вздохнул. Нет, Ленка – на редкость отсталая личность.

– Ну и что она сделает, тетя Муза? – хмыкнул он. – Это дома она старший оперуполномоченный, а здесь – иностранка отдыхающая. Здесь она даже браконьера арестовать не может. У нее прав столько же, сколько у нас с тобой.

Это была правда. Дома, в Москве, тетя Муза, гроза бандитов, вела расследования каждый день с девяти до шести. Иногда задерживалась, если Родина прикажет. Щелкала преступников как семечки, пока не получила законный отпуск. Тогда она приехала к племянникам и решительно заявила, что бабушке и деду пора от них отдохнуть. А поскольку мама с папой улетели в очередную командировку и сплавить Тонкого с Ленкой некому, так и быть, она, тетя Муза, возьмет их с собой в Крым.

– Не поможет нам тетя Муза, – вслух рассуждал Тонкий. – Прежде всего надо убрать труп с берега. Вдруг его унесет волной или он сам сгниет под солнцем раньше, чем мы найдем браконьеров? Он теперь – улика.

Но легко сказать: «Надо убрать труп». А куда? Единственным прохладным местом на берегу была тети-Музина сумка-холодильник, но дельфин туда не поместится.

– Может, зароем? – предложила Ленка. – Под землей прохладнее.

– У нас лопат нет, а руками будем копать до осени, – возразил Тонкий.

Дельфина оттащили в тенек, надеясь придумать что-нибудь попозже. Тем более что на горизонте уже появилась тетя Муза. Тонкий с Ленкой пошли ей навстречу, решив пока не показывать труп. Зачем беспокоить старшего оперуполномоченного, когда здесь, в Крыму, она опернеуполномочена? Ни тело на экспертизу послать, ни преступника взять на мушку – сплошное расстройство.

– На солнце жаритесь? – подскочила к ним тетя Муза. – Марш в море, вон, уже носы пообгорели!

А хороший приказ – «Марш в море!». Тонкий выполнял бы его с утра до вечера вместо «Делай уроки!», «Пей молоко!» (с пенкой. Бр-р!) и особенно «Ложись спать!». Толстый сидел у него на плече, и ему тоже пришлось искупаться. Оказавшись в воде, он стал смешно грести лапками и рулить хвостом. Тонкий смотрел на него и думал, что дельфин – такое же животное, как его верный крыс, ну, разве что немного красивее и чуточку умнее. И уж наверняка ему будет больно, когда в бок воткнется острога.

Метрах в двухстах от них плескались, перекрикиваясь, другие дельфины. Они вообще непугливые, потому что занесены в Красную книгу и на них никто не охотится. Разве что иногда отловят одного-двух для цирка или дельфинария,

и то по особому разрешению. Что такое «браконьер», дельфины обычно не знают, особенно молодые. Поэтому они могут подпустить к себе человека на расстояние выстрела из подводного ружья и даже удара острогой.

Тонкий пообещал себе разобраться с браконьерами и нырнул, чтобы успокоиться. Не видно было ни черта: Ленка со своим собачьим стилем плавания замутила всю воду. Тонкий еле различал головастые тени бычков и пятна камней на дне. Вон проплыла, потрясая вуалеткой, маленькая медуза.

– Сашка! – Тетя Муза поймала его за трусы и перевернула головой вверх. – Сашка, нельзя столько времени крысу купать. Он не такой морж, как ты, еще простудится!

Тонкий отловил верного крыса, который уже успел подружиться с медузой и плыл на ее шапке, как на плоту.

– Нельзя так долго купаться – простудишься! – строго сказал он и понес Толстого на берег.

У крыса было на этот счет свое мнение. Оказавшись на суше, он зафыркал и стал тяжело дышать, по-собачьи высунув язык. Всем своим видом крыс показывал, что на берегу жарко и он не прочь искупаться еще. Тетя Муза увидела это и оценила:

– Перегрелся. Смастерили бы ему хоть панамку, что ли!

– Будет сделано, товарищ командир! – откликнулась на призыв Ленка и тихонько добавила: – А чего еще делать, телика нет, дискотек нет…

Увы, это была правда. Тетя отвергала все виды отдыха,

кроме дикого. Между прочим, папа Тонкого и Ленки (и тети-Музин родной брат) хотел купить всем путевки в дом отдыха, где есть и телик, и дискотеки. Но нет, вредная тетя отказалась, заявив, что каждый культурный человек должен уметь поставить палатку, развести костер – в общем, все то, чего ни Тонкий, ни Ленка до сих пор не умели.

Для обучения племянников дикому отдыху тетя Муза облюбовала заросший колючкой и редкими кустиками боярышника уступ на крутом берегу. Про себя Тонкий сразу назвал это скучное место Лысой горой, хотя оно и не дотягивало до такого звания. Это же только уступ, вроде гигантской ступеньки, вырубленной в обрыве. А над ним есть второй (Ничья гора) и третий – Подсолнуховая гора. Вот на этой третьей горе жили люди. Тонкий видел из окна машины поле подсолнухов и за ним – аккуратные белые домики то ли поселка, то ли деревни. А так вокруг ни одной живой души не наблюдалось: только Толстый, Тонкий, Ленка, тетя. Еще есть тетин расхлябанный «жигуленок», на котором они приехали, да палатка. Разбить палатку не успели, сразу побежали купаться.

И это еще неплохо! Тонкий считал, что ему повезло, все-таки поселок-деревня в километре, можно что-нибудь купить, а вечерами издали глядеть на электричество. Когда выбирали место для палатки, Ленка упрашивала тетю остановиться километрах в десяти отсюда, у маяка. Для романтики. А там, не считая романтичного маяка, только дорога да

те же подсолнухи. Хорошо, что тетя не романтик, а практик. Деревенское молоко, фрукты и, главное, близость пресной воды ее интересовали больше, чем сполохи маяка в ночном пейзаже. В конце концов остановились здесь. А маяк виден с Подсолнуховой горы и с моря, если немного отплыть от берега.

Дунул ветер, и Тонкому, не успевшему обсохнуть, сразу стало прохладно.

– Может, наконец лагерь разобьем? – предложил он.

Тетя Муза поскребла в затылке и решила:

– Хорошо. Мы с Леной займемся палаткой, а ты пойдешь в деревню за фруктами.

– Меня надуют, – честно предупредил Тонкий. – Я торговаться не умею и не знаю здешних цен.

– Покупать фрукты на юге – глупо, – веско сказала тетя. – В деревне живут старенькие бабушки с садами и огородами. Бабушки – не макаки вроде тебя, им трудно лазить по деревьям и собирать алычу. Придешь, предложишь свою помощь, тебе отсыплют за услуги.

Тонкий повернулся и пошел в гору.

– Куда без штанов?! – окликнула его тетя Муза. – В первый же день обгореть хочешь? И крысу оставь, бабулька испугается.

Да, каникулы в обществе тети Музы – не мед, пусть даже она и старший опернеуполномоченный.

Глава II
Договор аренды

Горы были не такими крутыми, как казалось снизу. Кроме того, в горах были протоптаны тропинки. Тонкий в два счета забрался на самую высокую и очутился в подсолнуховом поле. Подсолнухи были что надо: размером с детский зонтик, на толстых стеблях выше головы. Вспомнился мультик про тигренка на подсолнухе. Тонкий раньше думал, что это так, выдумки, ан нет – на таком подсолнухе вполне мог бы поместиться маленький худенький тигренок. А еще за зарослями ничего не было видно.

Тонкий продирался сквозь них, стараясь держать направление. Вперед и вперед. Солнце жгло даже сквозь большие подсолнуховые шляпы, и на пятой минуте мальчик был зажарен и готов к употреблению. «Сейчас еще на дерево лезть, – уныло подумал Тонкий. – Если не свалюсь, это будет чудо». Через полчаса подсолнухи кончились, и его взору предстала деревня.

На первом плане гордо возлежали коровы и козел. Они спасались от жары в луже и поэтому все были одного цвета – маренго. Коровы лежали спокойно, бултыхая в грязи носами. А козел, видимо, выполнял роль пастушьей собаки, которая охраняет стадо от волков и жареных мальчиков. Уви-

дев чужака, он выскочил из лужи, по-собачьи отряхнулся, обдав брызгами охраняемых, выставил вперед немаленькие рога и двинулся на Тонкого.

Шел он медленно, и у Сашки было добрых тридцать секунд, чтобы сообразить, как себя вести с рогатым пастухом. «В конце концов, козел – не бык, – рассуждал Тонкий. – Он маленький и легкий. Если поймать его за рога, как в кино, то ничего он мне не сделает». Не дожидаясь, пока противник подойдет, Тонкий первым шагнул к козлу, спокойно взял его за рога и повел.

– М-ме? – спросил козел, упираясь.

– Сейчас дойдем до того дома, спрошу, чей ты, и отведу тебя домой, – ответил Тонкий. – Нефига бросаться на мирных граждан!

Козлу домой не хотелось. Он выворачивался, блеял и пытался пнуть врага игрушечными копытцами. Тонкий уворачивался. До ближайшего домика грязно-белого цвета, с окном, явно спертым из вагона электрички, оставалось не больше десяти шагов. На восьмом козел вывернулся и с победным: «Мээ!» – больно пнул Сашку рогами пониже спины. Тонкий охнул и резво перемахнул через полутораметровый забор, отделяющий домик от внешнего мира. Козел, как порядочный, вошел в калитку и набросился на Сашку. Тонкий попытался схватить его за рога, не успел и получил рогами в живот. А козел отскочил в сторону, чтобы разбежаться для следующего броска.

– Росинант! – откуда-то из-под земли послышался старушечий голос. – Рога пообломаю, скотина!

Козел, нервно покосившись в сторону дома, на цыпочках уковылял прятаться за низкую косматую алычу. Из дома послышалась возня, и на пороге возникла маленькая старушка с огромной скалкой в руке.

– Росинант! – рявкнула она, не обращая внимания на Тонкого. – Росинант! Тебе с коровами велено быть, да? Чего ты тут хулиганничаешь?! – И она уверенно направилась в сторону алычи, размахивая скалкой.

Поняв, что его засекли, козел выскочил из укрытия и, отчаянно блея, побежал назад, к коровам. Старушка погрозила ему вслед скалкой:

– К коровам иди, домой не суйся! – Обернувшись, она наконец заметила Тонкого. – А тебе чего, молока, да?

Тонкий объяснил, чего ему надо, и у старушки сразу поднялось настроение:

– А, помощнички из Москвы приехали! А я уж думала, пропал урожай! Внук по заграницам теперь отдыхает, и помочь некому Зое Карапетовне.

– Кому? – переспросил Тонкий.

– Мне, кому еще! Зоя Карапетовна я! А тебя как звать?

– Саша.

– Лезай на дерево, Саша-джан. Я те ведра принесу, да?

Тонкий по-обезьяньи вспрыгнул на ближайшую алычу и удобно устроился верхом на ветке. Листья дерева надежно

закрывали его от солнца, так что, выходит, зря он боялся. Поданное старушкой ведро он повесил на сучок и стал бодренько срывать упитанные желтые алычины. Странные у них имена – и у козла, и у бабульки. Надо же додуматься, назвать козла Росинантом в честь коня Дон Кихота. Хотя «росинант» – значит «кляча»… Ну, допустим. А у бабульки что за имя? Зоя Ка-ра-пет… Украинское, что ли?

Алычи было много. Тонкий набрал ведра три, освободив от ягод всего одну ветку. Правда, самую толстую, что утешало. За работой Тонкий не заметил, как начало смеркаться. Когда он опустошил наконец одно дерево, было уже почти темно. Тонкий слез и полюбовался длинным рядом ведер с желтыми ягодами.

– Куда нести?! – крикнул он, не решаясь назвать старушку по имени: вдруг переврет?

– В дом заноси, да? – последовал ответ.

Тонкий прилежно потащил ведра в дом. Споткнулся на подгнившем крыльце, миновал сени с длинной шеренгой резиновых сапог и оленьими рогами на стене и попал на кухню. Большая грязная печка уходила трубой в потолок, на столе, как матрешки, стояли чугунки всевозможных форм и размеров. Бабульки не было.

– Сюда давай, – раздался голос из-под земли.

Тонкий огляделся:

– Вы где?

– Да здесь же, в подполе, да? – ответила бабулька со стран-

ным именем. – Давай сюда, Саша-джан.

Тонкий увидел люк в полу и торчащие оттуда руки.

– Не на жаре же хранить, да? – объяснила старушка. – А тут прохладно.

Тонкий аккуратно подал ведра ей в руки. «Прохладно? Вот куда я спрячу труп!»

– А он у вас большой? – осторожно спросил Тонкий.

– Большой, – гулко прозвучало из подпола. – Все бабы местные влезли бы. Только не полезут. Холодно, да? – И она гулко захохотала, как Фредди Крюггер из ужастика.

– Да мне не прятаться, – промямлил Тонкий.

– Арэндовать хочешь? – поняла бабка. – Это пожалста: вот прополешь мне завтра огород, и храни хоть корову до конца лета. Ты ж, поди, дикарем приехал – ни холодильника, ни подпола?

Тонкий радостно закивал, не соображая, что бабульке из подпола не видно. Но та догадалась:

– Договор, да?

– Будет сделано! – рявкнул Тонкий.

– Ну и хорошо, да?

У калитки бабулька вручила ему честно заработанное ведро алычи («Тару завтра занесешь»), распрощалась и стала звать козла:

– Росинант! Давай домой, да? Спать пора.

Тонкий неторопливо брел к своим, разгребая подсолну-

хи свободной рукой. Первый день в Крыму! За этот день он успел обнаружить следы браконьеров, найти место для хранения ценной улики и еще здорово обгореть. Хотя солнце давно скрылось, плечи жгло, как горчичниками. Но это мелочь. Завтра с утра он прополет огород и получит место в подполе. Только дельфина до этого времени может спалить солнце, и ценная улика будет потеряна. Тонкий решил сперва спуститься к морю и хоть ветками дельфина прикрыть, а потом уже возвращаться к Ленке с тетей Музой.

Сказано – сделано. Бежать с горы в сто раз проще, чем в гору. Тонкий за пятнадцать минут добежал до берега, нашел место, где лежал дельфин…

Сперва ему показалось, что он заблудился: морской берег везде одинаковый – песок да камни. Но когда на глаза попалась забытая Ленкой бейсболка, сомнений не осталось.

ДЕЛЬФИНА НЕ БЫЛО.

Глава III
Наглые ежики

«Может, его волной унесло?» – размышлял Тонкий. Однако больших волн днем не наблюдалось, и сейчас море тихое. Они с Ленкой специально оттащили дельфина подальше от воды. Нет, господа, это не волны. Труп кто-то унес. Иного объяснения быть не могло. Кто? Ясен пень, браконьеры. От улики избавились. Дельфин, судя по всему, больной. Они сначала не разобрались, а когда его подстрелили и рассмотрели, то бросили беднягу в море. Наверное, погнались за другими. А после вернулись за ним, чтобы не оставлять следов… Кстати, следы все равно остались. Следы волочения тела – вот они, пожалуйста, ведут к морю. Значит, дельфина увезли в лодке.

Тонкий опустился на четвереньки. Да, все так. Только рядом обнаружились еще следы шин. Значит, дельфина увезли на машине?

– Сашка! Саш! – Ленка выскочила, как из-под земли, и сразу кинулась к ягодам. – Желтенькие! – Она загребла полную горсть и похвасталась с набитым ртом: – А мы мешто клашное нашли в тенешке. Захащаешься!

– А тетя где? – спросил Тонкий.

– За пресной водой поехала. – Сестра махнула рукой ку-

да-то на горы. – Вот-вот вернуться должна… А ты здесь чего? Купаешься без спроса? Типа крутой? Пошли, пока тетя Муза не засекла!

– Погоди, тут следы! – попытался объяснить Тонкий, но сестра решительно вцепилась ему в руку.

– Иди уж, следопыт! А то знаешь, что тетя нам устроит?

– Знаю. Шаг вправо, шаг влево считается за побег, прыжок на месте – провокация, – вздохнул Тонкий и подхватил ведро с алычой.

– Покажу, как мы устроились, – сразу успокоившись, заурчала Ленка и потащила его с берега.

Тонкий с сожалением оглянулся на следы. Море еле плескалось, высоких волн не было. Надо вернуться сюда поздно ночью, когда Ленка с тетей Музой уснут. Следы не должно смыть к тому времени.

Тетя с Ленкой поставили палатку под тремя низкими, но густыми деревьями, торчавшими в середине Лысой горы. Тени от них вполне хватало, чтобы прогуливаться в радиусе полутора метров от палатки, не боясь получить солнечный удар. Чуть дальше, уже у подножия Ничьей горы, тянулась полоса не то шиповника, не то каких-то других, не менее колючих, кустов. С другой стороны был обрыв, а под ним – море.

Ленка первая нырнула в палатку и посветила фонариком, чтобы Тонкому лучше было видно, как они устроились.

– Смотри!

Он посмотрел. Из палатки выскочил верный крыс в щегольской черной кепке, с резинкой под подбородком. Если бы Толстый был чуть постройнее, он бы смахивал на маленького жокея. Кажется, Ленка тоже так считала:

– А лошадью будешь ты! – Она ткнула брата в бок и спряталась в палатке.

Тонкий юркнул за ней. Первым делом он отвесил сестренке подзатыльник за «лошадь», а потом огляделся. Палатка была большая, свободно разместится человек пять, а если они не будут брыкаться, то в ноги можно положить и шестого. Себе Ленка с тетей постелили в одном углу, Сашке – в противоположном. Между матрасами еще оставалась куча места для всякого хлама, и Ленка им воспользовалась по полной программе: там уже образовалась приличная перегородка из Ленкиной одежды, котелков и большого мехового жирафа, которого сестренка притащила с собой из Москвы. Жирафа подарила Тонкому одна художница, а Ленка у него отобрала, сказав, что Сашка уже вышел из того возраста, когда играют в игрушки. Тоже, маленькая нашлась, Тонкий старше ее всего-то на год!..

По стенкам палатки мелькнул свет фар. Тетя Муза вернулась. Тонкий первым выполз на волю и увидел тети-Музины кеды. Один просил каши. Он повернулся к Тонкому и сказал:

– Пришел? Молодец. Пойдем разводить костер.

Самым трудным оказалось найти «горючее». Гора, как уже говорилось, была почти лысой, и за сухими ветками пришлось лезть в непролазные кусты. Тонкий исцарапал себе колючками руки, ноги и даже спину. Добытой кучки хвороста должно было хватить, как считала тетя, минут на пятнадцать. Чертыхаясь, Сашка опять полез в дебри и на этот раз притащил целый колючий куст, вывороченный ветром. Куст обошелся ему в еще десяток царапин и порванную футболку, зато тетя успокоилась и решила, что больше «горючего» не надо.

Несколько толстых полешков она поставила шалашиком, в середину напихала тонких веток и сухой травы. Поднесла огонек, и прожаренное на южном солнце сено вспыхнуло, как порох.

– Так-то вот! – похвалилась тетя. – Я еще в пионерках прикуривала с одной спички!

– И напивалась с одной рюмки! – добавила Ленка. Чувство юмора у нее просыпалось нечасто, зато вовремя. Тонкий захихикал в кулак.

– Это почему? – оторопела тетя. – Да я, если хотите знать…

Тут до нее дошло, что не обо всех славных делах пионерии стоит рассказывать племянникам.

– Я в хорошем смысле прикуривала, – сказала она, не объяснив, что это значит.

По правде говоря, грозная оперуполномоченная боялась

племянников гораздо больше, чем преступников. У тети Музы не было своих детей. Она не знала, как вести себя с Тонким и Ленкой.

Костер горел, тетя Муза вешала над ним котелок, Ленка устанавливала вокруг складные табуретки, Толстый копошился где-то у палатки, а Тонкий ждал, когда они наконец лягут спать. Надо было спуститься к морю, хорошенько рассмотреть следы. На лодке увезли дельфина или на машине? Если на лодке, то его не найти, на воде-то следов не остается. Если на машине… Он возьмет фонарик и будет идти по следам шин. Может быть, долго, может быть, до утра…

– Саня! – позвала тетя Муза. – Иди присядь, в ногах правды нет.

Тонкий мысленно с ней согласился. Идти по следам машины он будет ногами, и не факт, что узнает правду: куда увезли дельфина? Машина ведь может свернуть с песка на траву, а там следов почти не видно. Да еще ночью.

Он подошел и сел рядом с Ленкой. Ножки складного табурета нагрелись от костра, так что голыми ногами к ним лучше было не прислоняться. Тетя Муза насыпала в котелок суп из пакетика. Мимо шмыгнула тень.

– Ежик! – взвизгнула Ленка и помчалась на охоту. Тонкий не спеша побрел следом.

Ленка с ежом обнаружились у машины. Под колесом валялся открытый рюкзак с едой (тетя Муза в нем копалась и

не закрыла). В рюкзаке сидел ежик и, не обращая внимания на Ленку, спокойно уписывал батон.

– Тут, наверное, часто бывают туристы, вот ежи и обнаглели, – понял Тонкий. – Смотри, он оставит нас без завтрака, придется с утра в город переться.

– Не оставит, – оптимистично заявила Ленка. – Он такой маленький, ему за всю жизнь не съесть все, что в рюкзаке! – Только она так сказала, как из непролазных кустов показалась еще шеренга маленьких теней и потопала к рюкзаку.

– Ежиха с ежатами! – умильно запищала Ленка.

Оказалось, она права: впереди шел большой упитанный еж, за ним – три поменьше. Вразвалочку они прошествовали к рюкзаку. Последний задел Тонкого иголкой, повернулся, фыркнул в Сашкину сторону: «Чего мешаешься?!» – и галопом побежал к своим. Все семейство залезло в рюкзак, по-приятельски обнюхало первого ежа и принялось дружно чавкать.

Тонкий смотрел, разинув рот, – ни фига себе наглость!

– Интересно, сколько всего ежей на нашей горе? – мечтательно спросила Ленка.

Тонкий прикинул: гора большая, ежи маленькие, штук сто разместится спокойно, а если они живут тесными стаями – то, конечно, больше.

– Господа, ужин подан, – позвала тетя Муза.

Пришлось отвлечься от ежей и плестись к костру. Ленка побежала вперед:

– Теть Муз, там ежики!

Тетя хмыкнула и подставила Ленке складной табурет.

– Там ежики, здесь – суп, я предпочитаю начинать с первого, – спокойно заметила она и вручила племянникам ложки. – Лопайте – и спать. Хватит за день впечатлений.

Тонкий не стал спорить, впечатлений за этот день ему хватило выше крыши. Он быстро поел и первым нырнул в палатку. Заботливая Ленка уже приготовила брату спальник и матрас. Тонкий плюхнулся с размаху и…

Бум! Хруп! Ой-й!

Под затылком что-то хрустнуло. И голова, кажется, тоже. Тонкий приподнял спальник и увидел… Сперва он решил, что это Ленка подложила ему орехов, чтобы расколоть их башкой горячо любимого брата. Под спальником и вправду лежали какие-то скорлупки, но странной формы и необычного цвета – белые в серо-голубую полоску. Тут вдруг к «орехам» подскочил Толстый в своей жокейской кепке и в момент перетаскал их куда-то в ноги хозяину.

– Улитки виноградные, – вслух подумал Тонкий.

– Сам такой, – обиделась возникшая в проходе Ленкина голова.

– Толстый наложил мне под спальник виноградных улиток, – объяснил ей Тонкий, – а я их головой расколол.

Ленка хохотнула:

– А ты чего хотел?! Крыс-то твой недавно из Франции, вот и пристрастился к тамошней кухне!

В подтверждение Ленкиных слов Толстый громко зачавкал в ногах.

Глава IV
Глупые взрослые

Цикады стрекотали так громко, что Тонкий испугался: разбудят они тетю Музу, та увидит, что племянника нет, отыщет его, вернет и даст по шее. А следы браконьеров смоет волна.

С этими веселыми мыслями он летел с горы к морю. Луч фонарика убегал из-под ног. Тонкий не успевал разглядеть мелкие камушки и колючие кустики бессмертника. Он то и дело спотыкался, резал босые ноги, чертыхался и продолжал свой путь. Море было спокойным, хотя тетя Муза рассказывала, что по ночам здесь бывают страшные штормы. Тонкий подозревал, что она просто не хочет, чтобы племянники убегали ночью купаться без нее, вот и пугает. Он посветил на море. Оно было зеленое в свете фонарика, с белыми блестками, почти ровное, если не считать малюсеньких волн, которых и Толстый не испугался бы. Тетя явно преувеличивала.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.